

Н.И. Воронина
доктор философских наук, профессор

ЛИЧНОСТЬ НА ИЗЛОМЕ ВРЕМЁН В ДИАЛОГЕ ЭТНОСОВ

Осмысливая сегодня празднование 1000-летия единения мордовского народа с народами российского государства (август 2012 года) как грандиозное событие в одной из российских земель – Республике Мордовия – прежде всего, обращаешься к российской духовности, как способу человеческого бытия. При этом важно отметить, что в России сталкиваются и приходят во взаимодействие два потока мировой истории – Восток и Запад. Народ России есть не чисто европейский и не чисто азиатский. И это не есть лишь географическое положение. Культура России во всех ее подлинных проявлениях есть мощный и глубокий пафос равенства с культурами и Запада, и Востока. Она, своего рода, духовный мост, стихия всечеловеческого проникновенного диалога.

Люди, которые жили и творили на мордовской земле, независимо от этнической принадлежности, отдавали свою душу ее процветанию, закрепляли определенные черты ментальности, обогащали языки, на которых общались, передавали следующим поколениям социально-психологические установки, способы восприятия мира, манеры чувствовать и думать.

Они жили и живут в лоне одного государства, созидая общую культуру, но исповедуя свои, родные этнические корни. Получался симбиоз? Конечно, нет. Это было и есть плодотворное обогащение, открытие себя через открытие другого, а результат – способность к самосовершенствованию, самоуглублению и самопознанию в русле мироздания.

Древние полагали, что каждое место оправдывает *genius loci* (гений места). Об этом же толкует старинная русская поговорка: «Не стоит село без праведника». Каждое место одухотворено, спасено и оправдано праведником, рожденным там или проходившим по этим местам.

Кто же они, эти «праведники», эти «гении места»? Есть ли они в Мордовии? Чем они интересны сегодня? Смогли ли они построить духовный мост не только в диалоге с Россией, но и с миром?

Духовная реальность **Степана Дмитриевича Эрззи (1876-1959)** – это мир человеческих чувств. Выдающийся скульптор мировой и отечественной культуры и крупнейший модернист европейской культуры, обновитель и выразитель парадигмы человека XX века, вскормлен мордовской землей.

С кем он себя идентифицировал? С кем сравнивал? Чью суть раскрывал?

Эрззя – мордвин духом и кровью.

Эрззя – русский душой и пластикой.

Эрззя же – гражданин мира своей культурой.

Можно с этим спорить, но действительно родная мордовская земля была местом рождения и вдохновения Эрззи. Здесь он начинался как художник (и это на всю жизнь). Москва, Екатеринбург, Баку, Новороссийск, Батуми сформировали профессиональную культуру пластики, ее он совершенствовал в Европе. Аргентина дала материал и общение на другом уровне, которое выработало свой, самобытный пласт в мастерстве художника. Можно сказать, что Эрззя пограничный художник.

Да, он пограничный художник, никогда не терявший чувства «мы», но преломлявший его в универсальном переживании культуры и нравственности. Основа привлекательности его творчества в том, что он всегда был самим собой, талантливо соединив дар глубокого проникновения в собственный внутренний мир «Я», в свои этнические корни с открытостью всему миру.

Николай Платонович Огарев (1813-1877) и **Михаил Михайлович Бахтин (1895-1975)** – российские люди разных эпох, причастные к одной земле – мордовской, десятилетия прожившие на ней; связанные профессиональной идентичностью – литературным и научным трудом,

любовью и пониманием искусства, использующие его духовную ипостась в своем творчестве. Оба изгнанники. Один вынужден был покинуть Родину и поселиться вдали от нее (Огарев в Англии); другой – покинуть свой город Санкт-Петербург и жить долгие годы в провинции (Бахтин в Саранске).

«Десятилетие в истории и культуре – не то же самое, что десятилетие в календаре. Оно длится не десять лет, а столько, сколько длится тот сгусток культурно-исторического воздуха, который составил его существо», – пишет Г.С. Кнабе¹. Про **Огарева** можно сказать, что, прожив всю свою жизнь в XIX веке, он наш современник, он и тогда наполнял, и сегодня наполняет интеллектуальную жизнь России вдохновенными идеями, многие из которых реализуются. Он также, как и Эрзя, человек мира. Он возвратился не только в Россию, он вернулся и на мордовскую землю, своими мыслями и идеями оплодотворяя разные поколения. Его имя носит Мордовский государственный университет в Саранске, ежегодно проходят Огаревские чтения, аккумулируя научные знания и открытия. А главное – создана новая ориентация в раскрытии поступков конкретного человека, Николая Платоновича Огарева в оценке его философского и экономического знания, политических, медицинских, изобретательских практик, поэтического и музыкального дара, благотворительной и меценатской деятельности, педагогических опытов, социальной работы, т.е. всего того, что можно назвать его профессиональной и жизненной идентичностью. А студенты и преподаватели, называя себя огаревцами, идентифицируют себя с его личностью и его деяниями.

Прожив в Саранске 25 лет, **Бахтин** создал свою духовную ауру в тихом провинциальном городе, расположенном в центре России, несмотря на то, что Саранск для такого человека становится провинцией, которая вырвала

---

¹ Кнабе Г.С. Булат Окуджава и три эпохи культуры XX века: проблема «мы» // Избранные труды: Теория и история культуры. – М. – СПб.: Летний сад; М.: РОССПЭН, 2006. – С. 1047.

его из привычного научного общения, сделала изгоем, соединив одновременно мотив избранничества и обделенности жизнью. Но Бахтин не чувствовал характерные для русского интеллигента (особенно провинциала) чувство вины, скуку, одиночество, разочарованность. Он работал... Вдохновенно читал лекции для студентов, писал (чаще в стол) свои гениальные труды, общался с интересными людьми, тем самым, превратив вынужденное «заточение» в среду одухотворенного обитания не только для себя, но и для окружавших его людей. Это было его «мы», особое, неповторимое. Это особый тип «его провинции», становящейся духовной столицей, столицей бахтинства, «своей» столицей мира. И, не побывав ни разу за пределами России, Бахтин становится гражданином мира.

Федот Васильевич Сычков (1870-1958) и Николай Владимирович Рябов (род. 1958) – мордовские художники. Ставлю их в один ряд, хотя возраст и этническая принадлежность различны.

Сычков родился в русском селе, в русской семье, но всеми своими корнями пророс в этническую суть мордвы. Писал портреты и тематические картины, полотна реалистичные, яркие, сочные, жизнеутверждающие. Его краски «брызжат» солнцем, лица – улыбками и радостью. Повседневное существование его в быту односельчан-русских и поездки в соседние села, где проживала мордва-мокша, сформировало пограничное мироощущение художника Сычкова. Он видел мордву-мокшу именно в этом ракурсе (платки, пулаи, сюргамо, другие яркие красно-желтые, солнечные украшения мокшанского костюма). Видел этническую красоту в скуластых лицах, особом разрезе глаз мордвовок, круглощеких и голубоглазых русских девчат, размышлял и принимал решение в творчестве на *меж-и транс-национальном* уровнях. Своя позиция, никому не навязываемая, ни у кого не заимствованная. Он и сегодня «живет» среди нас как уникальный бытописатель русской и мордовской деревни, уловивший поэтическую красоту природы и человека в ней.

Рябов родился и живет до сих пор в родном мордовском-эрзя селе Подлесная Тавла. Отличительной чертой его творчества является мифологизация места, пространства бытия его предков. Рябов трансформирует реальные впечатления в иной художественный мир, названный им самим «этносимволизмом». Творчество Рябова – это пример иного подхода к своим родовым корням, к своей идентичности через всплеск интереса к этническим формам искусства, интеллектуальной и эмоционально-эстетической потребности человека в их осмыслении. Для этого он обращается к архетипам мордовской мифологии, переводя их на язык современных символов:

- природа, ментальность, семья, дети, быт – это дом;
- мысли, сюжеты, обереги – это Родина;
- образы, чувства, символы, знаки – это душа.

В этом *его* особая укорененность в своем «Я», и особое разрешение проблемы самоидентификации. Он гражданин России, Мордовии и своего маленького, но богатого тавлинского мира.

Личность в истории человечества всегда концентрировала в своем существовании и отражала в своей сущности драматизм времени. Поэтому значение личности в истории, равно как и в культуре, трудно переоценить. И сегодня, как всегда на изломе времён, идеи воспринимаются и оцениваются по-разному, а степень собственной причастности к происходящим изменениям в мире осознается личностью так же многогранно, как в случае с нашими персонажами. И сегодня мы, жители Мордовии, тысячелетие прожив вместе на одной земле с другими этносами, ощущаем себя не только частью огромной России, но видим, и чувствуем перспективу, так как никогда не скудела духовная суть российской земли и не иссякали на ней таланты.